

Анна И. Кузнецова

Сходства и различия мировоззрений и практик тантрических и дзэн буддистов

Статья написана на основе личных наблюдений в московских тибето-буддийских центрах Падмасамбхавы, Ригпе и Дзогчен общине, а также в Московском Дзэн Центре. Кроме того, я ознакомилась с рядом источников и литературой по данной теме¹. В силу специфики полевого материала небезынтересно было узнать, какие техники используются в буддийских практиках Тибета, где тантрический буддизм зародился и получил свое развитие. Однако наше внимание будет обращено прежде всего к различиям и сходствам догматики и используемых практик именно в московских буддийских центрах. Если об этом напрямую спросить членов Дзэн Центра, то они ответят, что различия в практиках никакой нет, а тантрики сделают акцент на «энергетической» составляющей своего учения и практик. Но попробуем разобраться в этом сами.

Начнем с того, что и тантрический, и дзэн буддизм являются прежде всего ветвями одного дерева – емкой, подвижной, воспринимающей местные традиции, но неколебимой в своей основе религии – буддизма. Поэтому необходимо сказать несколько слов о том, к каким буддийским направлениям принадлежат рассматриваемые религиозные традиции. Учения дзэн и тибетского буддизма (его иначе называют ваджраяной) появились в V в. н.э. в русле такого направления, как махаяна, которое отличается от другого основного направления буддизма – хинаяны – следующими чертами:

1. совершенное отрицание реальности проявленного бытия, в том числе элементов-дхарм, из которых оно образовано;
2. признание существования в вечной целостной Вселенной только шуны, универсальной пустоты, выражающей состояние отсутствия постоянного независимого начала во всем. Этот абсолютизм отождествляется с религиозной реальностью махаяны – дхармакаей, тождественной нирване, утверждается эквивалент-

ность эмпирического бытия и абсолюта, имманентность непроявленного бытия проявленному (нирваны – сансаре);

3. в этическом отношении – подчеркивание активных моментов в буддийском нравственном идеале доброжелательности, любви. Здесь они трансформируются в сострадание (каруна), переходящее в деятельное служение (появляются «служители»-бодхисаттвы, отказавшиеся от нирваны во имя того, чтобы помочь другим достичь ее). Их помощь «смягчает» суровый хинаянистский закон кармы.

Хинаяна и махаяна базируются на изречениях Сиддхартхи Гаутамы, на сутрах. Однако уже с отношения к изложенной в сутрах догматике, с ее трактовки и применения начинаются различия между буддийскими школами. Их основные различия лежат в области космологии. Например, хинаянистская школа вайбхашика признает существование дхарм, подробно их классифицирует, а также признает нирвану как непсихический феномен. Напротив, основной постулат йогачары (школа махаяны, иначе называется виджнянавадой) заключается в высказывании: «Все нереально, но факт сознания нереальности реален». Следовательно, только в сознании, обладающем абсолютной реальностью, возможно достижение нирваны. Основная школа махаяны – мадхьямика (или шуньявада). Другое ее название – срединный путь, ибо она утверждает, что признание существования всего – это одна крайность, непризнание – другая крайность, а истина находится посередине: существует только шунья. Исходя из различий в понимании первоосновы бытия (или из разных акцентов в трактовке этого термина) буддийскими школами и течениями, были выстроены особые философско-этические системы, на основе которых применяются разнообразные практики самосовершенствования.

Догматика тантрического буддизма, его ритуалы и практические техники работы над собой происходят, на мой взгляд, из трех источников: индуистской тантры, бонской оккультной магической доктрины и собственно учения Сиддхартхи Гаутамы. Первые две воспринимают мир как бесконечное проявление энергии (это слово употребляется также во множественном числе, однако при этом обозначаются лишь

разные виды единого энергетического начала). В буддийском вероучении для этой энергии нашлось место, которое традиционно отводится пустоте. Это единое бескачественное начало и является у буддистов-тантриков основой бытия и подлинной реальностью (остальное иллюзорно). Эта энергия, безусловно, может быть названа проявлением нашего собственного ума, и тогда мы приблизимся к утверждению, что все иллюзорно, кроме нашего разума, однако тантрики обычно рассматривают энергию во всех ее проявлениях – в физическом, эмоционально-чувственном, подсознательном, даже в социальном, а не только в интеллектуальном планах. Ее очищение, гармонизация энергетических потоков и есть достижение нирваны (физически она выглядит как растворение тела в потоке света). В дзэн буддизме главный акцент делается на психическом (даже уже – сознательном) состоянии адепта, космологии практически не уделяется никакого внимания. Если говорить о буддийских параллелях в догматике, данное мировоззрение достаточно близко к утверждению йогачары, что существуют только проявления нашего ума, происходящие от людского неведения.

В зависимости от разнообразных космологических концепций в данных буддийских течениях варьирует отношение к техникам работы над собой, которые веками вырабатывались в рамках индуистской тантрической и буддистской традиций. Безусловно, и тантрики, и дзэн буддисты могут использовать одни и те же медитативные техники, ведь в целом данные религиозные направления унаследовали от индуизма один и тот же набор йогических практик, однако наиболее часто практикуемые в московских центрах методы работы над собой различаются, что, на мой взгляд, в значительной степени обусловлено теми элементами, которые появились в буддийской вере, когда она распространялась на новые территории, перенимая некоторые черты местных верований.

Теперь об этической стороне дзэнского и буддийского тантрического учений. Как было сказано выше, махаяну в целом отличает акцент на сострадательном отношении достигших просветления (или стремящихся к нему) людей ко всем другим людям и ко всем живым существам. Даже молитвы о достижении нирваны заканчиваются просьба-

ми о просветлении «на благо всех живых существ». Однако необходимо помнить, что буддийская этика кажется весьма странной не погруженным в эту традицию людям. Например, из сострадания к какому-либо существу просветленный мастер может его ударить, отрубить ему руку (что довольно часто встречается в дзэнских историях), даже убить. Тантрики говорят, что продвинутый в практике человек может себе позволить все, что ему диктует его внутреннее побуждение, если при этом он не выходит «из состояния ясности», т.е. продолжает психологически, физиологически, энергетически пребывать на пути к нирване. На пуджах (тантрических буддийских практиках) употребляют в пищу мясные продукты и алкоголь, что не может себе позволить ни один буддист, не являющийся тантриком, и что противоречит буддийской махаянистской этике с ее доктриной сострадания ко всем живым существам. В то же время особенности образа жизни последователей тибетского буддизма не позволяли им отказаться от мясной пищи, и от бонских жертвоприношений остался обычай есть мясо на пуджах.

Теперь о практике. Уже отмечалось, что дзэн буддисты воспринимают мир как иллюзию нашего омраченного сознания, а нирвану – как просветление сознания. Во время практики человек в данной традиции прежде всего ориентирован на работу со своим умом. Она может проходить в форме размышления над коанами, любования природой, – главное, чтобы присутствовала сосредоточенность сознания (но без напряжения). Это довольно сложно осознать, но в решениях коанов присутствует своя логика. В дзэнской традиции большое внимание уделяется особому интеллектуальному (в нашем понимании, скорее, интуитивному) проникновению в истину. Роль повседневного разума (привычного способа мыслить) при этом отрицается. В этой традиции считается, что понимание своей истинной природы может прийти во время творческого озарения, поэтому столь важную роль в дзэн буддизме играют занятия искусствами. Для «успокоения» ума (отсечения обыденного способа мышления) используются и другие практики, например, чайная церемония, которая время от времени проходит и в Московском Дзэн Центре. Здесь также используются и другие техники работы с сознанием, к которым мы сейчас обратимся.

На первом этапе работы практикующий успокаивает свой ум. Эта процедура занимает довольно значительную часть общего медитативного времени. В этом мне видится отголосок даосской концепции недеяния (в данном случае недеяния сознания), которое необходимо для того, что познать свою истинную природу. В целом бездейственности, неподвижности сознания и тела в дзэн буддизме уделяется большое внимание. Только после того, как человек научится удерживать свое сознание в неподвижном состоянии, дзэн буддисты считают целесообразным переходить к динамической медитации (основе восточных единоборств). Поскольку москвичи, практикующие дзэн буддизм, как правило, не достигли еще особых высот в работе со своим умом, здесь преобладают статичные формы медитации, на начальном этапе в наибольшей степени способствующие успокоению ума. После успокоения ума идет сосредоточение на каком-либо объекте.

В Московском Дзэн Центре обычно используется сосредоточение на определенных желаемых качествах сознания, названия которых произносит ведущий медитацию мастер (хотя одним из базовых постулатов дзэнского учения является невыразимость истины в слове, все же считается, что на определенном этапе слова помогают продвижению по пути самосовершенствования). Например, происходит медитация, в ходе которой адепты сосредотачиваются на таких качествах, как простота и ясность. В течение продолжительного времени ведущий произносит эти слова, а остальные всё глубже сосредоточивают, концентрируют на них свое сознание. Таким образом, происходит аудиостимуляция ума (не музыка, пение, а произнесение слов) с их осознанием, слиянием с ними. Идеальным считается сохранение неподвижности тела в строго определенной позе. Также происходит представление определенных образов, которые «исходят» из самого человека (например, раскрывающийся в груди лотос, струящий свет). Интересно, что приверженцы дзэн буддизма не говорят об исходящей из человека энергии, они, скорее, скажут именно о свете. Есть также образы вне человека, с которыми он постепенно сливается (распространенным образом подобного рода является безбрежный океан) – они персонифицированы и слабо детализированы.

Буддисты-тантрики в основном используют следующую медитативную технику: люди сидят в определенной позе (однако в данной религиозной традиции большинство практикующих свободно ее меняют), поют мантры и молитвы. Они произносятся на тибетском языке, который знает меньшинство членов московских центров. В книжках с молитвенными текстами, как правило, дается их перевод, однако их смысл лишь очень немногим помогает визуализировать необходимый образ, на который происходит медитация. Обычно люди стараются не вникать в смысл слов, которые они поют, ведь он может отвлечь их от достижения желаемого внутреннего состояния. Возможно, поэтому здесь так распространено просто пение звуков – будь то священный санскритский алфавит или придуманные новым учителем слога. Считается, что определенный тип музыки настраивает на медитативное состояние.

Пение сопровождается музыкой – звоном колокольчиков и ударами в ритуальные барабаны – которая задает ритм пению. Параллельно с этим люди практикуют визуализацию. Это могут быть «исходящие» из человека образы, которые, как правило, представляют собой потоки энергии определенных цветов, обозначающие какое-либо физическое, эмоциональное состояние. Эти состояния не статичны, они переходят одно в другое, – так, по словам тантриков, гармонизируется энергия. При этом существует очень много «внешних» образов, с которыми сливается человек. Они большей частью персонифицированы, проработаны до мельчайших деталей. Это бывшие боги традиции бон, которые стали олицетворением трансформации человеческих страстей, желаний и привязанностей в «конструктивные» качества (например, слияние с гневными ипостасями божеств символизирует преобразование гнева, злобы практикующего в активность). Происходит работа, если можно так выразиться, «в осязательной» сфере: люди стараются пробудить в своем теле ощущение тепла. Что касается медитативных поз, то в тантрическом буддизме очень хорошо разработана система янтра-йоги (динамический вид йоги), в которой, как считается, при правильном выполнении всех упражнений состояние ясности достигается автоматически.

Если практика приверженцев дзэн буддизма во многом строится на отказе от активности ума, на отсечении желаний и привязанностей, то тантрики (в своем наиболее эзотерическом, «продвинутом» разделе учения – традиции Дзогчен) принимают страсти как путь. В конечном счете и дзэнский мастер, и продвинутый, посвященный в наиболее закрытые, эзотерические разделы практики тантрик могут себе позволить любое поведение, и внешне оно может выглядеть как страстное, жестокое, глупое, но для них самым важным останется их состояние сознания в этот момент (выше уже говорилось о тех жестоких, на наш взгляд, действиях, которые совершали дзэнские мастера, наставляя своих учеников, вводя их в истинное состояние).

Очень интересен вопрос передачи истинного состояния мастером, учителем ученику. И дзэн, и тантрический буддизм воспринимают сутру как низшую форму передачи знания. Более высокой считается символическая передача, когда учитель демонстрирует определенные предметы или произносит слова с эзотерическими пластами смысла, а ученик при этом входит в свое истинное состояние. Наконец, высшая форма приведения ученика в состояние просветления – прямая передача, во время которой учитель может не производить никаких внешних действий. Оба учения предполагают достижение нирваны за одну жизнь, однако дзэн буддисту, практически не подготовленному, мало знающему для этого может потребоваться лишь миг, а тантрик все же потратит на приведение своего сознания в надлежащее состояние определенное количество времени (может быть, даже всю жизнь). В буддийской тантрической традиции считается, что для прямой передачи нужен очень хорошо подготовленный ученик, а тем более учитель.

В силу того, что передача знания через сутру считается не очень высокой, роль учителя как транслятора традиций, как человека, вводящего в состояние осознанности, чрезвычайно важна и в дзэнской, и в тибетской буддийской традициях. При всем ритуальном аскетизме практик дзэн в них все же присутствует обряд поклонения учителю. В тантрическом буддизме люди зачастую остаются, почувствовав невидимую связь между собой и учителем, просто увидев последнего на фотографии. Поскольку абсолютное большинство тантрических буд-

дийских учителей не живет постоянно в России, а приезжает сюда читать лекции и давать посвящения, между московскими тантриками и учителями почти нет никакой связи. Однако, однажды увидев учителя, люди потом могут годами, даже всю жизнь помнить его, мысленно обращаться к нему как к человеку, передавшему учение, знание, а также как к источнику энергии (тантрики верят, что через учителя, давшего посвящение, к человеку идет поток энергии). Дзэнцы почитают учителей как носителей мудрости, которые во всем являются непререкаемыми авторитетами. На практиках всегда кланяются мастеру (у дзэнцев он москвич). Тантрики кланяются алтарю, где среди разных культовых предметов находятся фотографии учителя.

Если говорить о ритуале не как о практике самотрансформации, а как о поклонении учителю, высшим принципам, то у дзэн буддистов он очень аскетичный, у тантриков – достаточно пышный, однако последователи школ ньингма, кагью, сакья считают его только средством, помогающим войти в определенное состояние сознания. Гелукпинцы относятся к нему с большим пиететом.

Подытоживая сказанное выше, можно отметить, что и тантрики, и дзэн буддисты основное внимание уделяют не изучению сутры, а другим личным практикам. В силу того, что в тибетском буддизме достаточно сильны оккультные, магические элементы, практики данной религиозной традиции носят прежде всего магический характер и ориентированы не только на работу с психикой, но и с физиологией. Напротив, дзэн буддизм в большей степени базируется на интеллектуальном понимании истины, нежели на ее физиологическом переживании. В обеих религиозных традициях Просветление может быть достигнуто не более чем за одну жизнь, но дзэн говорит о мгновенном вхождении в истинное состояние, которое может произойти и с малоподготовленным человеком, а тантрический буддизм в силу своей магичности и эзотеричности предполагает определенную психофизиологическую подготовку человека. В данных традициях большую роль играют учителя, но если для дзэн буддистов они прежде всего источник мудрости, то для тантриков – и проводники гармоничной энергии. Этике данные

учения уделяют не очень большое внимание, дозволяются любые поступки, совершенные в состоянии ясности.

Примечание

ⁱ *Намкай Норбу Ринпоче*. Дзогчен. Состояние самосовершенства. СПб., 2001; *Чоки Нима Ринпоче*. Неоспоримая истина. СПб., 2002; *Давид-Неэль А.* Посвящения и Посвященные в Тибете. М., 2003; *Кочетов А.Н.* Буддизм. М., 1968.